

ZDPLFI

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ ФИНЛЯНДИИ В 2019–2024 ГОДАХ

Д. В. Житин **М. А. Виноградова**

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 11.05.2026 г.
Принята к публикации 25.08.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-6
© Житин Д. В., Виноградова М. А., 2026

Финляндия является географическим соседом России, потому происходящие на ее территории демографические и социально-экономические процессы всегда будут важны для нашей страны. Современное финское общество находится в последней стадии демографического перехода, характеризующегося естественной убылью населения, которая в различной степени компенсируется миграционным приростом в международном обмене с другими странами. Пространственные различия в темпах естественного прироста и направленности внутренних миграционных перемещений приводят к перераспределению населения внутри страны. Цель работы — выявление территориальных особенностей трансформации демографической ситуации в регионах Финляндии в целом и в ее восточных провинциях в частности в 2019–2024 гг. и причин, вызвавших эти изменения. На этот короткий временной период пришлось несколько важных геополитических событий, непосредственно повлиявших на основные параметры демографических процессов в стране: пандемия COVID-19, резкий рост иммиграции в Финляндию с 2022 г., закрытие российско-финляндской границы (2022–2023). Для оценки произошедших изменений рассматривается динамика основных показателей естественного и миграционного движения населения на региональном и муниципальном уровнях в 2019–2024 гг., анализируются пространственные сдвиги в процессах внутренней и внешней миграции. Особое внимание уделяется ситуации в пяти регионах восточной Финляндии, имевших до недавнего времени обширные экономические, культурные, гуманитарные связи с нашей страной. Несмотря на положительное saldo международной миграции, география которой в последние годы претерпела существенные изменения, демографическая обстановка в рассматриваемых регионах восточной Финляндии отличается неблагополучием, особенно заметным по сравнению с урбанизированными территориями южной и юго-западной Финляндии.

Ключевые слова:

демографическая ситуация, миграция, регионы, население, естественный прирост, российско-финляндская граница

Введение и постановка проблемы

В 2022–2023 гг. Финляндия столкнулась с одним из наиболее значимых геополитических событий последних десятилетий — последовательным ограничением, а позже и полным закрытием своей сухопутной границы с Российской Федерацией.

Для цитирования: Житин, Д. В., Виноградова, М. А., 2026, Демографическая ситуация в регионах Финляндии в 2019–2024 годах, Балтийский регион, т. 18, № 3, с. 136–156. doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-6

Правительство Финляндии 29 сентября 2022 г. приняло решение об ограничении въезда российских туристов, вступившее в силу 30 сентября 2022 г. С 30 ноября 2023 г. были закрыты все пункты пропуска на сухопутной границе с Россией. Эти решения непосредственно изменили условия российско-финляндской трансграничной мобильности. Их связь с демографическими и социально-экономическими изменениями в Финляндии, особенно в ее восточных регионах, требует отдельной оценки.

На протяжении десятилетий восточная граница Финляндии была важным элементом ее пространственного развития, обеспечивая интенсивный поток туристов, товаров и услуг. Финляндия и Россия сформировали устойчивую систему трансграничных контактов, в рамках которой развивались туризм, торговля, сфера услуг, малый бизнес и межрегиональное сотрудничество государств. До событий 2022 г. российские туристы играли заметную роль в экономике регионов восточной Финляндии, занимающих приграничное положение: Южной и Северной Карелии, Кайнуу, Кюменлааксо, Южного Саво¹. Именно эти регионы до недавнего времени имели наиболее тесные торгово-экономические, туристические и иные связи с Российской Федерацией.

Закрытие границы привело к масштабным изменениям, особенно заметным в восточной Финляндии, которая исторически отличалась менее устойчивым социально-экономическим положением и сильной зависимостью от внешнеэкономических связей. Прекращение трансграничного движения стало причиной резкого падения оборотов розничной торговли, снижения спроса на услуги, закрытия части предприятий и роста цен на логистику. Как итог, в стране усилились и до того существовавшие территориальные диспропорции: в столичном регионе и на западе продолжался экономический рост, а на востоке — началась стагнация.

Миграционные процессы также претерпели существенные изменения. Закрытие границы не создало новые направления миграции с нуля, однако усилило уже существовавшие процессы внутреннего перераспределения населения в пользу крупных агломераций — Хельсинки, Тампере, Турку и Оулу. Одновременно изменилась структура внешней миграции: российское направление утратило прежнее значение, тогда как выросла роль новых миграционных потоков, в том числе из Украины и стран Азии.

Закрытие границы для Финляндии стало серьезным вызовом, требующим пересмотра всей региональной политики страны. Из-за усиления территориальной дифференциации возникла необходимость в поддержке уязвимых восточных регионов и диверсификации их экономики. Несмотря на запущенные финским правительством программы помощи, их результативность и долгосрочность требуют дальнейшей объективной оценки.

Как именно повлияло закрытие российско-финляндской границы на демографические процессы в регионах Финляндии, в частности в ее восточных провинциях? Только ли это событие стало причиной происходящих демографических изменений или имеют значение и другие факторы? Ответам на эти вопросы посвящено данное исследование.

Обзор предшествующих исследований

Проблематика миграционных и социально-экономических процессов в регионах Финляндии неоднократно рассматривалась в трудах российских и зарубежных исследователей. В научной литературе по данной теме можно выделить несколько основных направлений: исследования миграционной политики и пространственного

¹ Хотя Южное Саво непосредственно не граничит с Российской Федерацией, данный регион расположен в восточной Финляндии недалеко от границы с Россией и экономика его муниципалитетов была в значительной степени ориентирована на связи с нашей страной.

расселения населения, работы по трансграничному сотрудничеству и внешнеэкономическим связям, а также публикации, посвященные трансформации российско-финляндского пограничья в условиях усиления геополитической напряженности.

Среди российских авторов, занимающихся изучением миграционных процессов в Финляндии, можно выделить М. М. Агафошина, С. А. Горохова и Р. В. Дмитриева. Авторы анализируют особенности миграционной политики Финляндии в контексте изменения структуры внешней миграции с начала 2010-х гг. Особое внимание уделяется усилению иммиграционных потоков после вступления в ЕС, росту числа вынужденных мигрантов в 2022—2023 гг., а также их пространственному расселению (Агафшин, 2024). В то же время в работе С. В. Рязанцева и Г. И. Гаджимурадовой рассматривается русскоязычная иммиграция в Финляндию, семейные и иные каналы миграционного притока до 2021 г. (Рязанцев, Гаджимурадова, 2021), что позволяет сравнить период, предшествовавший закрытию российско-финляндской границы, с современной ситуацией.

Другое направление исследований связано с демографическим развитием Финляндии и его региональными различиями. Ю. А. Ступин показывает пространственную неоднородность геодемографической ситуации в Финляндии на уровне общин и регионов (Ступин, 2024). Долгосрочные демографические тренды страны и ее отдельных регионов также рассматриваются в работах Ю. М. Килина, Т. Ю. Кузнецовой, В. Л. Мартынова и И. Е. Сазоновой (Килин, 2019; Кузнецова, 2018; Мартынов, Сазонова, 2014). Естественно, что вопросы, посвященные снижению рождаемости, старению населения, депопуляции и различиям в развитии муниципалитетов, находятся в центре внимания финских авторов (Hiilamo, 2019; Rotkirch, 2021; Kettunen et al., 2020; Hanell et al., 2023; Raunio, 2022; Virkkunen et al., 2023; Albrecht et al., 2022). Эти исследования показывают, что естественная убыль населения восточных регионов Финляндии является долгосрочным демографическим трендом, на фоне которого изменения миграционных потоков в последние годы имеют более выраженные последствия.

Третье направление исследований посвящено российско-финляндскому приграничью, трансграничному сотрудничеству и повседневной мобильности населения. Приграничное сотрудничество рассматривается как фактор интеграции сопредельных регионов (Александров, 2011). Е. А. Шлапеко и С. В. Степанова анализируют формирование трансграничного социокультурного пространства, включая шопинг-туризм, совместные проекты и повседневные контакты населения (Шлапеко, Степанова, 2018; Степанова, Шлапеко, 2018). Данные исследования позволяют рассматривать закрытие границы как фактор разрыва не только транспортных, но и большого количества социальных, торговых и повседневных связей.

Отдельное значение имеют работы, посвященные экономической дифференциации и внешнеэкономическим связям приграничных территорий, различиям между российскими и финскими приграничными регионами по уровню экономического развития и ресурсной обеспеченности (Морошкина, 2022). Нельзя игнорировать тот факт, что еще несколько лет назад внешнеэкономическое сотрудничество России и Финляндии отличалось высоким уровнем двусторонних связей и их разрыв оказался весьма болезненным в первую очередь для приграничных регионов (Дробот, Ильина, 2017; Шлямин, Гладких, 2022).

Несколько иным является взгляд зарубежных, прежде всего финских, авторов на изменение роли финляндско-российской границы в условиях кризисов и геополитической напряженности. Так, Й. Вирккунен показывает, что уже в период пандемии COVID-19 граница стала инструментом контроля мобильности населения и изменила повседневные практики приграничных территорий (Virkkunen, 2020a). Автор рассматривает финляндско-российское сотрудничество как противоречивый процесс, в котором геополитические ограничения сочетались с практическим интересом приграничных регионов к сохранению экономических и повседневных свя-

зей (Virkkunen, 2020b). Большое внимание финские исследователи уделяют и анализу транснациональных семейных связей и повседневному опыту русскоязычных мигрантов в финском приграничье (Davydova-Minguet, Pöllänen, 2021; Davydova-Minguet, Pöllänen, 2022; Sireni et al., 2021).

Резкое ухудшение российско-финляндских отношений после 2022 г. не осталось без внимания как российских, так зарубежных авторов. Это касается приостановки программ приграничного сотрудничества, замораживания торгово-экономических, научных и культурных контактов (Тарасова, 2023) и устойчивости приграничных сообществ в условиях разрушения прежних трансграничных связей (Stokłosa, Laine, 2024). Некоторые финские авторы анализируют использование в новых реалиях миграции как инструмента внешнеполитического давления (Virkkunen et al., 2024) и характеризует современную финляндско-российскую границу уже не как пространство повседневной интеграции, а как территорию с усиленной барьерной функцией и нарастающей тревожностью (Laine, 2026).

Таким образом, существующие исследования раскрывают отдельные аспекты рассматриваемой проблемы: миграционную политику Финляндии, демографическую неоднородность регионов, российско-финляндское приграничное сотрудничество, повседневную трансграничную мобильность и геополитическую трансформацию границы после 2022 г. Однако большинство работ сосредоточено либо на общих демографических процессах, либо на отдельных формах трансграничного взаимодействия. Недостаточно раскрытым остается вопрос о том, как закрытие российско-финляндской границы соотносится с изменением естественного движения населения, внутренней и международной миграцией в регионах Финляндии.

Поэтому цель настоящего исследования — выявление территориальных особенностей и непосредственных причин трансформации демографической ситуации в регионах Финляндии в периоды перед (2019—2021) и после (2022—2024) коренных изменений геополитической ситуации в Европе, произошедших в начале 2022 г.

Материалы и методы

В качестве основной пространственной единицы анализа миграционных процессов был выбран первый уровень административно-территориального деления (АТД) Финляндии — 19 регионов (maakunnat). Этот выбор обусловлен тем, что на этом уровне ведется основная официальная статистика и осуществляется реализация государственной региональной политики. Использование более мелких единиц АТД ограничено низкой доступностью данных. По информации на 2026 г., в состав 19 провинций входят 308 муниципалитетов (общин). Стоит отметить, что эти муниципалитеты объединены между собой в 69 субрегионов, но с 2014 г. они не являются официальным уровнем административного деления и, соответственно, статистического учета.

Официальные статистические данные о миграционных и социально-экономических процессах Финляндии предоставляются через ряд специализированных источников, главным из которых является StatFin — открытая статистическая база данных, которую формирует Департамент статистики Финляндии. Также в работе используются материалы, предоставляемые Таможенной службой Финляндии.

Методика исследования предполагает последовательность этапов, позволяющих комплексно изучить влияние ряда факторов, включая закрытие российско-финляндской границы, на демографические и социально-экономические процессы в регионах Финляндии в 2019—2024 гг. Статистическая информация о населении, полученная из перечисленных выше официальных финских источников, систематизируется и распределяется по тематическим блокам: динамика численности населения, естественное движение, внутренняя миграция, международная миграция, трансграничная мобильность, структура иммиграции по странам и макрорегионам. Полученные данные приводятся к единому временному и территориальному фор-

мату: используются сопоставимые ряды за 2019—2024 гг., а основной единицей анализа выступают 19 регионов Финляндии. Особое внимание уделяется пяти регионам восточной Финляндии¹: Южная Карелия, Северная Карелия, Кайнуу, Кюменлааксо, Южное Саво, демографическая ситуация в которых рассматривается на уровне муниципалитетов. Четыре из указанных регионов непосредственно граничат с Российской Федерацией, а пятый — Южное Саво — включен в эту группу как наиболее тесно связанный с приграничными территориями и характеризующийся сходными демографическими и социально-экономическими проблемами.

Динамика демографических показателей рассматривается и сопоставляется за два равных временных периода: 2019—2021 и 2022—2024 гг., что позволяет сравнить ситуацию в Финляндии до и после начала конфронтации «коллективного Запада» с Российской Федерацией. Используемые для сравнительного анализа коэффициенты миграционного прироста (общей, внутренней и международной миграции) рассчитывались как отношение сальдо миграции к среднегодовой численности населения и исчислялись в промилле. Среднегодовые значения за периоды 2019—2021 и 2022—2024 гг. рассчитывались как среднее арифметическое годовых коэффициентов. Для анализа изменения географии внешней миграции используются данные по макрорегионам мира и некоторым странам выезда иммигрантов.

В заключении осуществляется интерпретация результатов с акцентом на региональные различия и изменения, произошедшие в 2022—2024 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Предваряя рассмотрение миграционных процессов в Финляндии в последние годы, необходимо отметить особенность пространственного распределения населения страны. Природно-географические и историко-культурные факторы формирования населения Финляндии обусловили значительную неравномерность ее заселения, что отразилось прежде всего в различиях плотности населения и уровне урбанизации провинций страны.

Наиболее высокая плотность населения характерна для столичного региона Уусимаа, испытывающего «притяжение морем» (Федоров и др., 2017), а также для таких регионов юга страны, как Пирканмаа, Пяйят-Хяме, Юго-Западная Финляндия. Самые низкие показатели заселенности наблюдаются в северных и восточных регионах страны: в Лапландии, Кайнуу и Северной Карелии — 1,9 чел./км², 3,4 чел./км² и 8,6 чел./км² соответственно.

Именно на юге и юго-западе Финляндии расположены все крупнейшие городские центры Финляндии. Исключением является только город Оулу (регион Северная Остроботния), который выполняет функцию крупнейшего центра притяжения Северной Финляндии. Муниципалитеты Финляндии, расположенные в непосредственной близости от границы с Российской Федерацией, значительно уступают крупнейшим городским центрам страны по численности населения, поэтому не могут конкурировать с ними по своему экономическому потенциалу.

В период с 2019 по 2024 г. численность населения Финляндской Республики выросла на 2,3 %. Однако этот рост не был равномерным по территории страны: в одних регионах (Уусимаа, Пирканмаа, Юго-Западная Финляндия) темпы прироста превышали среднее значение по стране в 1,7—2,8 раза, тогда как в других (Кюменлааксо, Южное Саво, Кайнуу) численность населения сократилась на 4,3—5,0 % за шесть лет. В последние годы в Финляндии в целом общий прирост населения обеспечивается исключительно за счет миграционного прироста населения: с 2016 г. в стране наблюдается естественная убыль.

¹ Далее по тексту понятие «восточная Финляндия» будет территориально соответствовать пяти регионам страны: Южная Карелия, Северная Карелия, Кайнуу, Кюменлааксо, Южное Саво.

В 2019—2024 гг. в Финляндии происходило постепенное ухудшение демографической ситуации: в 2024 г. значения коэффициента естественного прироста (КЕП) населения были меньше, чем в 2019 г., во всех 19 регионах страны. Так, в 2019—2021 гг. положительные значения данного показателя сохранялись лишь в отдельных регионах, прежде всего в Уусимаа, Северной Остроботнии и на Аландских островах, тогда как восточные регионы уже характеризовались выраженной естественной убылью. В 2022—2024 гг. естественная убыль населения стала почти повсеместным явлением: положительное значение КЕП сохранилось только в Уусимаа, тогда как все пять провинций восточной Финляндии: Южное Саво, Кайнуу, Кюменлааксо, Южная Карелия и Северная Карелия — вошли в группу регионов с наихудшими показателями (рис. 1). Конечно, естественная убыль не является прямым следствием закрытия российско-финляндской границы, поскольку отражает долгосрочные процессы старения населения и снижения рождаемости. Однако именно она формирует исходную демографическую уязвимость восточных регионов Финляндии: при устойчивом превышении смертности над рождаемостью сохранение численности населения все сильнее зависит от притока мигрантов. На этом фоне любые изменения миграционных потоков (как внешних, так и внутренних) после 2022 г. приобретают решающее значение для динамики численности населения во всех регионах страны. Если в 2024 г. все 19 регионов Финляндии имели положительное миграционное сальдо (в 2019 г. — только 7 регионов), то прирост в обмене населением внутри страны имели только четыре региона: Уусимаа, Юго-Западная Финляндия, Пирканмаа и Аландские острова.

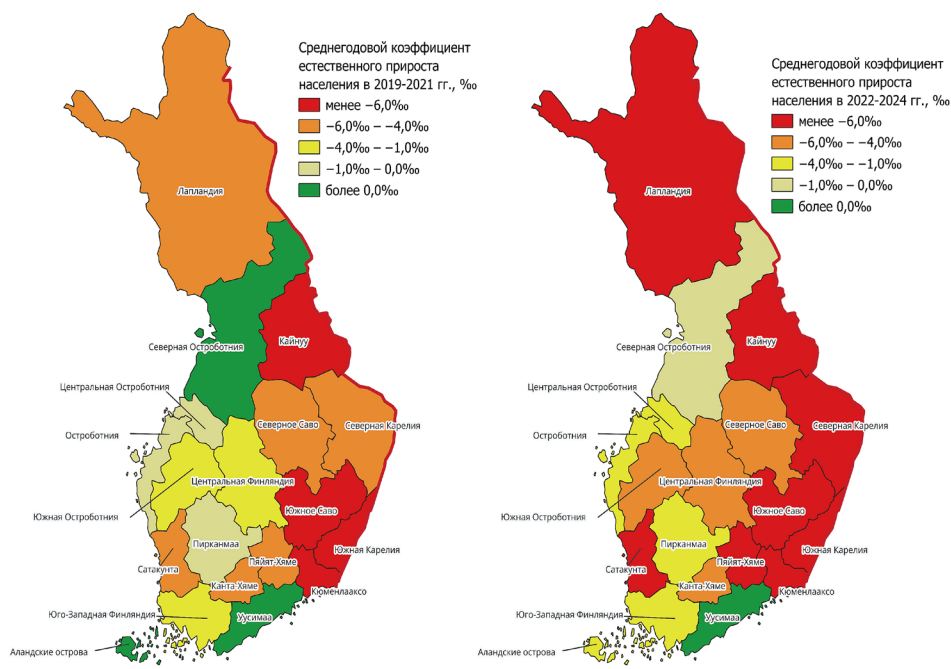

Рис. 1. Среднегодовой коэффициент естественного прироста населения в регионах Финляндии в 2019—2021 гг. и в 2022—2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

¹ Vital statistics and population by area, 1990—2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/12dy.px (дата обращения: 01.04.2026).

Рассматривая значения естественного прироста в восточных регионах Финляндии на уровне муниципалитетов, необходимо отметить, что уже в 2019—2021 гг. в большинстве из них среднегодовое значение естественной убыли составляло более 6‰. Особенно быстро сокращалось население в малых городах и в сельской периферии, где старение населения проявлялось наиболее заметно. После 2022 г. отрицательная динамика не была преодолена, а в ряде муниципалитетов стала еще более выраженной. Таким образом, естественное движение формировало долгосрочную основу депопуляции приграничных территорий (рис. 2).

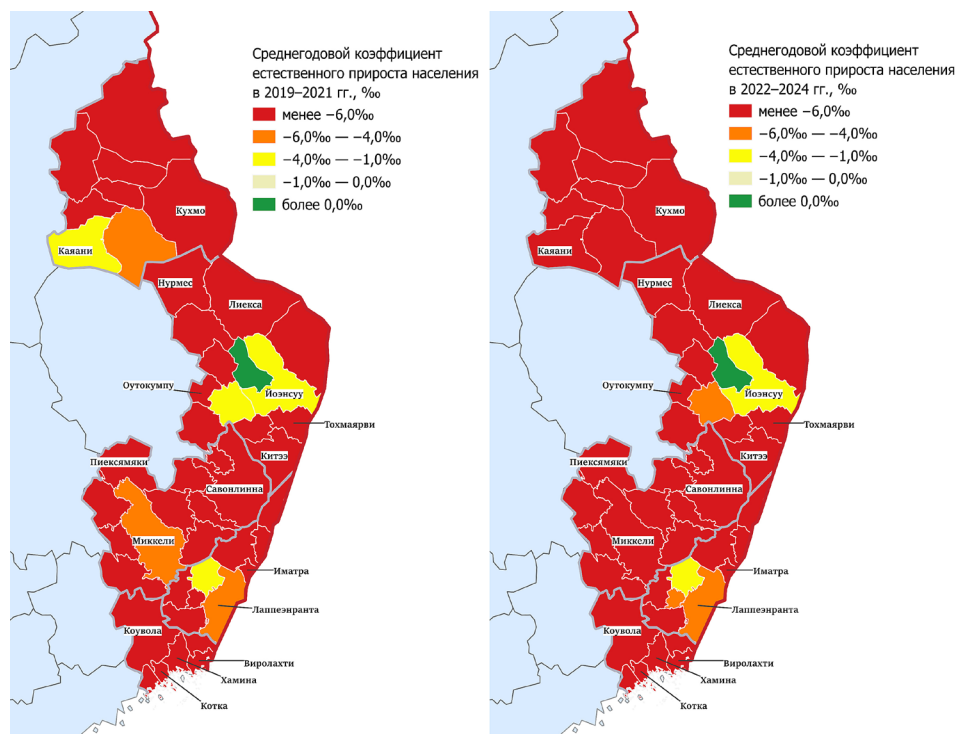

Рис. 2. Среднегодовой коэффициент естественного прироста населения в муниципалитетах восточной Финляндии в 2019—2021 гг. и в 2022—2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

Именно миграция — внутренняя и международная — стала основным фактором перераспределения населения по регионам страны. Динамику общего прироста населения обеспечила внешняя миграция, полностью компенсировав естественную убыль населения Финляндии. В 2019—2021 гг. максимальные значения внутреннего миграционного прироста наблюдались в наиболее экономически развитых регионах: Уусимаа, Пирканмаа, Юго-Западной Финляндии, где расположены крупнейшие города страны. Почти все остальные регионы Финляндии в этот период имели отрицательное миграционное сальдо внутрен-

¹ Vital statistics and population by area, 1990—2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/12dy.px (дара обращения: 01.04.2026).

ней миграции. Восточные приграничные регионы, хотя и теряли население в миграционном обмене с другими областями страны, не сильно выделялись на общем фоне (рис. 3).

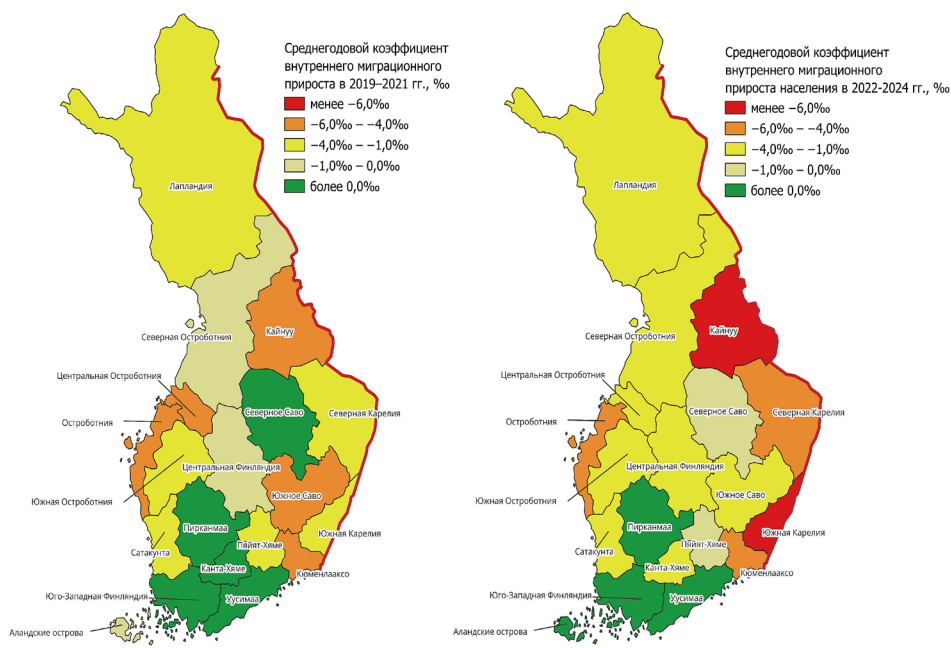

Рис. 3. Среднегодовой коэффициент внутреннего миграционного прироста населения в регионах Финляндии в 2019–2021 гг. и в 2022–2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

В 2022–2024 гг. миграционный прирост за счет внутренней миграции еще больше сконцентрировался в регионах юга страны, тогда как Кайнуу, Северная Карелия, Южная Карелия, Кюменлааксо и Южное Саво продолжили терять население за счет его оттока в крупнейшие города Финляндии. Можно сказать, что внутренняя миграция не компенсирует демографические потери большинства провинций страны, а, напротив, закрепляет различия между регионами, в которых расположены крупные города, и периферийными районами.

На фоне устойчивой естественной убыли внутренняя миграция выступала дополнительным фактором пространственной дифференциации муниципалитетов восточных провинций Финляндии по темпам прироста населения. В 2019–2021 гг. наряду с территориями внутреннего оттока выделялись отдельные муниципалитеты с положительным миграционным балансом. В 2022–2024 гг. ситуация стала менее благоприятной: во многих восточных муниципалитетах усилился внутренний миграционный отток, что указывает на сохранение их периферийного положения в системе расселения Финляндии. Внутренние перемещения населения не обеспечили устойчивой компенсации естественной убыли и в ряде случаев дополнительно усиливали демографическую уязвимость исследуемых территорий (рис. 4).

¹ Intermunicipal migration by age (5-year), sex, direction and area, 1990–2025, *Statistics Finland*, URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/11a2.px/ (дата обращения: 01.04.2026).

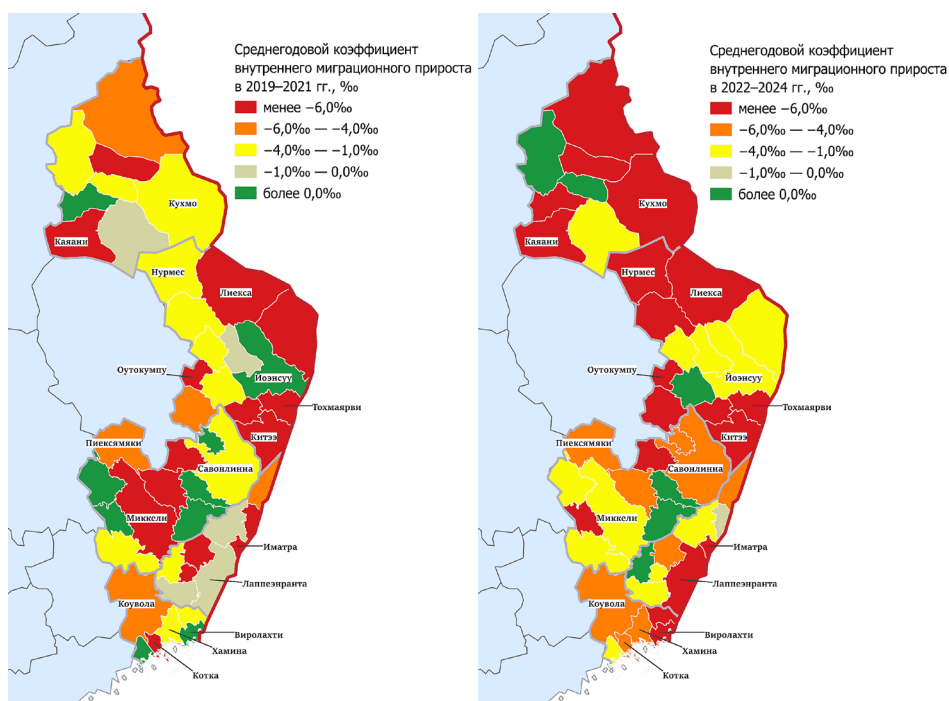

Рис. 4. Среднегодовой коэффициент внутреннего миграционного прироста населения в муниципалитетах восточной Финляндии в 2019–2021 гг. и в 2022–2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

Совсем иной характер на перераспределение населения между регионами страны оказывает международная миграция. Именно чистая международная миграция в 2022–2024 гг. стала главным фактором, обеспечившим прирост населения как в Финляндии в целом, так и в большинстве регионов страны. Весь рассматриваемый период (2019–2024) во всех регионах Финляндии наблюдалось положительное сальдо международной миграции. Но масштаб внешней миграции в стране после 2021 г. существенно вырос: если за 2019–2021 гг. нетто-миграция в стране составила 56 тыс. чел., то в 2022–2024 гг. — 139 тыс. чел. Рост сальдо миграции произошел за счет иммиграции, так как количество эмигрантов из страны варьировалось в небольшом диапазоне. Рост количества иммигрантов в Финляндии продолжился и в период пандемии COVID-19. Резкое увеличение численности иммигрантов в Финляндии с 2022 г. лишь отчасти связано с геополитическими изменениями в Европе. Об этом свидетельствует направленность иммиграции в Финляндию по макрорегионам мира (табл. 1).

Так, при общем увеличении потока иммигрантов в 2019–2024 гг. почти в 2 раза количество прибывающих из европейских стран выросло на 64 %, из африканских государств — в 2,3 раза, а из стран Азии — в 2,8 раза, достигнув доли в 40 % от общей численности иностранцев, прибывших на жительство в Финляндию в 2024 г.

¹ Intermunicipal migration by age (5-year), sex, direction and area, 1990–2025, *Statistics Finland*, URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/11a2.px/ (дата обращения: 01.04.2026).

Таблица 1

Иммиграция в Финляндию по макрорегионам мира в 2019–2024 гг., чел.

Макрорегион	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Доля в 2019 г., %	Доля в 2024 г., %
Европа	19 278	20 227	21 782	26 924	42 269	31 537	58,9	49,3
Азия	9 193	7 740	9 123	17 344	24 448	25 559	28,1	40
Африка	1 956	2 170	2 169	3 278	4 156	4 594	6	7,2
Америка	1 899	1 939	2 038	1 963	1 871	1 854	5,8	2,9
Океания	365	352	282	276	303	249	1,1	0,4
Неизвестно	67	470	970	213	189	172	0,2	0,3
<i>Всего</i>	32 758	32 898	36 364	49 998	73 236	63 965	100	100

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

Рассматривая динамику иммиграции в Финляндию по основным странам выезда (2024), необходимо отметить различия в темпах роста и тот факт, что шесть из десяти крупнейших миграционных «доноров» представляют собой страны Азии (табл. 2).

Таблица 2

Топ-10 стран иммиграции в Финляндию в 2019–2024 гг., чел.

Страна выезда	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Темпы роста иммиграции, 2024 г. к 2019 г. (2019 = 100), %
Украина	729	887	1 463	1 533	19 604	13 378	1 835
Филиппины	775	570	539	2 251	2 564	2 972	383
Непал	292	211	293	640	1 193	2 667	913
Шри-Ланка	70	47	139	1 120	3 158	2 609	3 727
Швеция	2 764	2 987	2 714	2 599	2 554	2 470	89
Индия	1 302	887	1 228	2 420	2 831	2 412	185
Китай	1 042	951	1 234	1 419	2 298	2 306	221
Россия	2 348	2 457	2 724	6 003	4 307	2 277	97
Вьетнам	678	477	799	956	1 385	1 744	257
Эстония	2 003	1 967	2 854	2 387	2 013	1 593	80

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии².

Следует отметить, что количество иммигрантов в Финляндию из большинства стран Европы (кроме России и Украины) в рассматриваемый период изменилось незначительно. Взрывной рост количества иностранцев, получивших вид на жительство в Финляндии в 2022–2023 гг., был характерен для стран Азии: Филиппин, Непала, Шри-Ланки, Индии, Китая и Вьетнама. Если колебания количества иммигрантов, прибывающих из России и Украины с 2022 г., объясняются наличием вооруженного конфликта, то рост иммиграции из стран Азии с этим явно не связан. Здесь мы можем наблюдать увеличение объемов трудовой, учебной

¹ Immigration and emigration by country of departure or arrival, origin and region, 1990–2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/11ab.px (дата обращения: 01.04.2026).

² Ibid.

и семейной миграции. В частности, Индия, Вьетнам и Филиппины сегодня входят в число целевых стран международного рекрутинга Финляндии, ориентированного на привлечение работников и специалистов в условиях дефицита кадров прежде всего в сферах здравоохранения, социального обслуживания и сезонной занятости¹.

Отдельно необходимо отметить динамику иммиграции в Финляндию из России и Украины в последние годы.

В 2010—2021 гг. на Россию приходилось от 6 до 10 % общего числа иммигрантов в Финляндию. Напротив, до 2014 г. доля прибывших из Украины не превышала 1 % иммиграции в Финляндию, увеличившись к 2021 г. до 4 %. После начала СВО в 2022 г. ситуация резко изменилась. Именно в этот год был зафиксирован максимальный приток иммигрантов из России, и доля россиян в общем потоке, прибывших на постоянное жительство, выросла до 12 %. Но данный всплеск российской иммиграции в Финляндию был кратковременным: в 2024 г. вид на жительство получили немногим менее 2,3 тыс. россиян, что почти не отличалось от среднегодового значения иммиграционного притока из России в 2010—2021 гг. При этом доля россиян в общем иммиграционном притоке в Финляндию к 2024 г. снизилась до 3,6 %.

Иная ситуация характерна для иммиграции из Украины. Количество иммигрантов из этой страны в Финляндии в 2023 г. достигла 19 604 чел., и, несмотря на снижение в 2024 г., остается высокой, особенно в сравнении с периодом до 2018 г. Это связано с тем, что в статистические данные по иммиграции 2023 г. вошла часть украинцев, прибывших в Финляндию еще в 2022 г. и попавших в регистр населения только после получения направления на проживание в тот или иной муниципалитет страны. Таким образом, украинские иммигранты стали одним из значимых факторов резкого роста международной миграции в Финляндию в последние годы.

В новых геополитических условиях изменилась и география локализации международных мигрантов по территории Финляндии. На протяжении 2019—2024 гг. сальдо международной миграции для всех регионов страны оставалось положительным. Это позволяет говорить о том, что внешняя миграция выступает фактором демографического прироста не только для столичного региона, но и для всех остальных территорий страны. В доковидное десятилетие (2010—2019) наиболее высокие относительные значения внешней миграции были характерны для Аландских островов, Остроботнии, Уусимаа, Южной Карелии. Международная миграция была значимым источником роста численности населения не только для крупнейших урбанизированных регионов страны, но и для ряда приграничных и периферийных территорий. В 2020—2021 гг., несмотря на ограничения трансграничных перемещений, коэффициент чистой международной миграции (КЧММ)² также сохранял положительные значения во всех регионах Финляндии. В этот период самые высокие показатели КЧММ наблюдались на Аландских островах, в Уусимаа, Остроботнии, Кайнуу и Южной Карелии. Но наиболее заметные изме-

¹ European Migration Network. EMN Annual Report 2024: People move to Finland mainly from Asia to work and study, 2025, *STT Info*, 20.05.2025, URL: <https://www.sttinfo.fi/tiedote/71176480/european-migration-network-annual-report-2024-people-move-to-finland-mainly-from-asia-to-work-and-study?lang=en&publisherId=69817837> (дата обращения: 30.04.2026) ; Welcome to Finland, international experts and entrepreneurs, 2023, *Finnish Government*, 24.08.2023, URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410877/welcome-to-finland-international-experts-and-entrepreneurs> (дата обращения: 29.04.2026).

² КЧММ равен отношению сальдо внешней миграции к средней численности населения и рассчитывается в промилле.

нения произошли в 2022—2024 гг. По сравнению с доковидным периодом КЧММ вырос во всех провинциях страны. Его наиболее высокие значения в этот период были зафиксированы в Остроботнии, Южной Карелии, Кайнуу, Уусимаа, Юго-Западной Финляндии и Северной Карелии. Обращает внимание тот факт, что из шести регионов страны — лидеров по темпам прироста за счет внешней миграции — три составили регионы восточной Финляндии. Это особенно важно для анализа миграционной ситуации на приграничных территориях, потому что, несмотря на внутренний отток населения, внешняя миграция стала для них компенсирующим фактором (рис. 5).

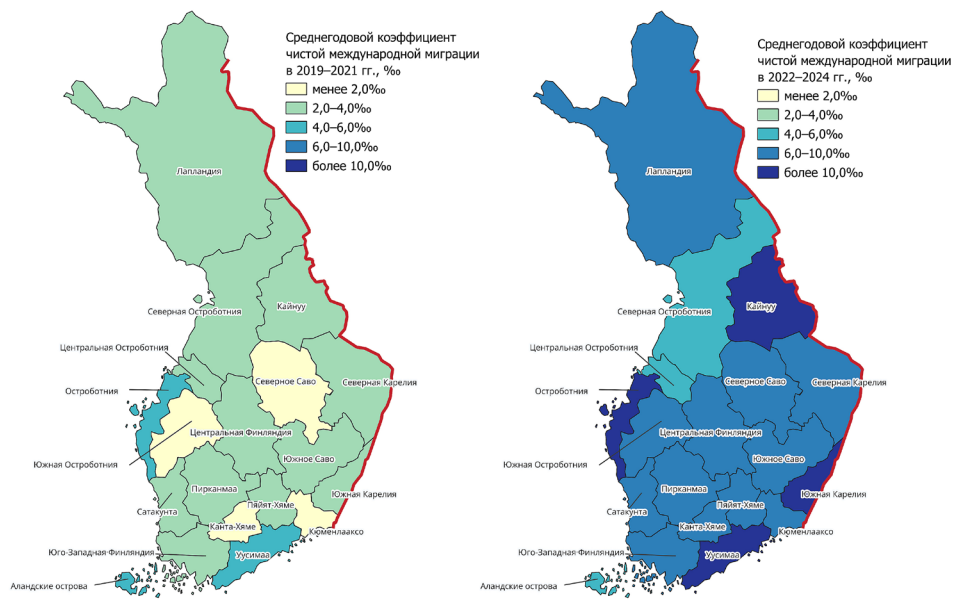

Рис. 5. Среднегодовой коэффициент международного миграционного прироста населения в 2019—2021 гг. и в 2022—2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

При общем увеличении сальдо международной миграции в Финляндии в целом с 2019 по 2024 г. в 3 раза, для Кайнуу этот показатель составил 4,5 раза, для Кюменлааксо — 4,2 раза, для Северной Карелии — 3,5 раза, для Южной Карелии — 4,4 раза, для Южного Саво — 5,8 раза. Сегодня (2024) Северная Карелия, Южная Карелия, Южное Саво и Кайнуу наряду с Остроботнией характеризуются наиболее высокой интенсивностью приема иностранцев, среди которых, как мы видим из таблицы 2, с большим отрывом лидируют выходцы из Украины. Факт того, что по темпам роста количества иммигрантов эти провинции Финляндии обошли столичный регион Уусимаа, свидетельствует как об их более низкой начальной базе для расчета показателей, так и о проводимой финскими властями политике перераспределения иностранцев, ищущих убежище в стране, по периферийным регионам.

¹ Vital statistics and population by area, 1990—2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/11ae.px (дата обращения: 01.04.2026).

В 2022–2024 гг. международная миграция стала основным компонентом улучшения демографической ситуации в муниципалитетах регионов восточной Финляндии. В отличие от естественного прироста населения и внутренней миграции, которые в большинстве муниципалитетов сохраняли или даже усилили свои отрицательные значения, приток мигрантов из-за рубежа заметно увеличился почти на всей рассматриваемой территории. Это связано не с российско-финляндской приграничной мобильностью, непосредственно не отражающейся на численности населения приграничных территорий, а с перестройкой общей структуры иммиграции: притоком трудовых мигрантов из стран Азии и вынужденных мигрантов с Украины, распределяемых по территории страны в рамках миграционной политики Финляндии. Поэтому, как видно из рисунка 6, наиболее высокие темпы прироста за счет внешней миграции в 2022–2024 гг. пришлось на крупнейшие городские центры провинций восточной Финляндии. Однако внешний миграционный прирост не устраняет долгосрочную демографическую уязвимость восточных территорий, поскольку во многих муниципалитетах он лишь частично компенсирует естественную убыль и внутренний миграционный отток (рис. 7).

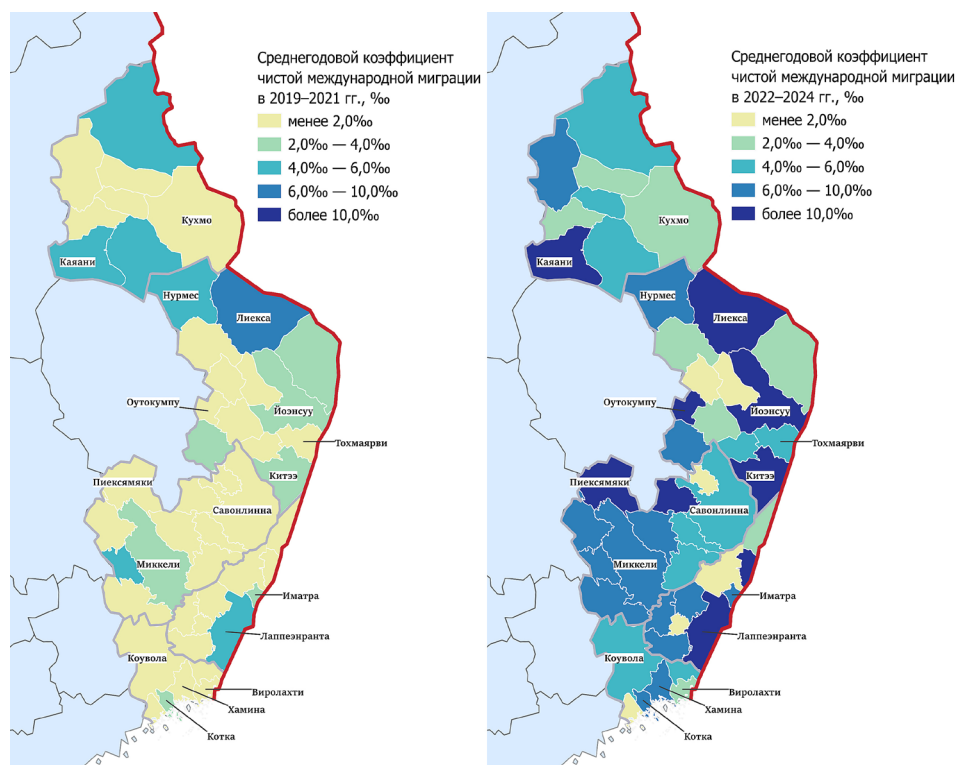

Рис. 6. Среднегодовой коэффициент международного миграционного прироста населения в муниципалитетах восточной Финляндии в 2019–2021 гг. и в 2022–2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

¹ Vital statistics and population by area, 1990–2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/11ae.px (дата обращения: 01.04.2026).

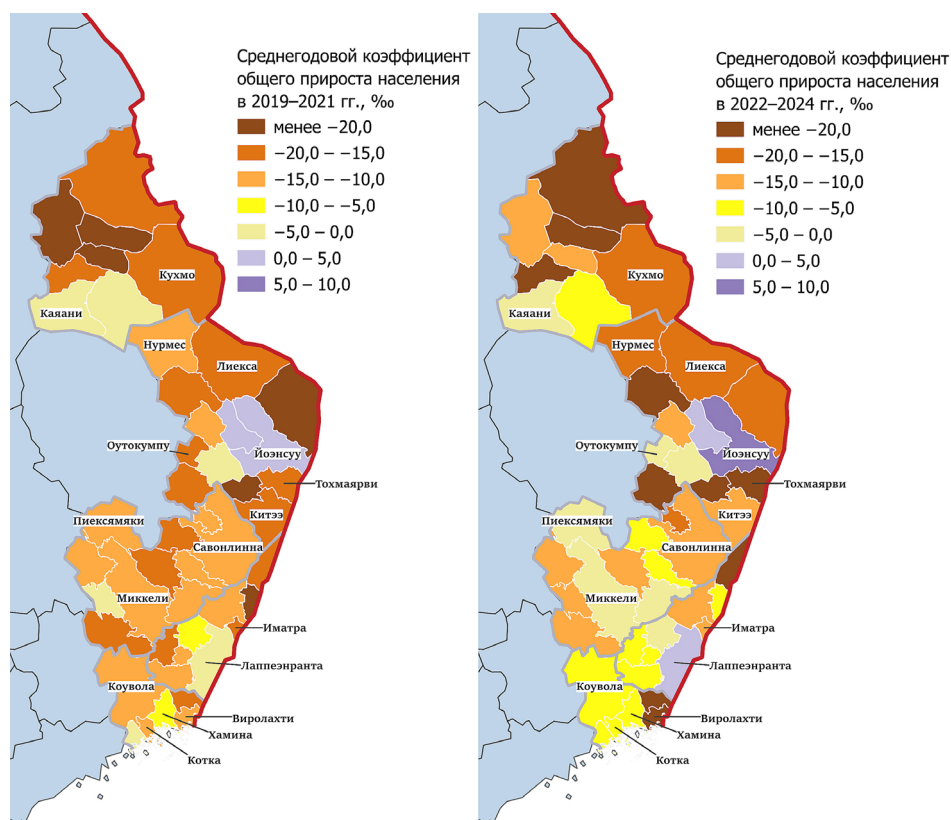

Рис. 7. Среднегодовой коэффициент общего прироста населения в муниципалитетах восточной Финляндии в 2019–2021 гг. и в 2022–2024 гг., ‰

Составлено на основе данных Департамента статистики Финляндии¹.

Рассмотренные выше показатели иммиграции отражают прежде всего официально фиксируемую смену страны проживания, однако они не позволяют в полной мере оценить интенсивность повседневных российско-финляндских связей. Для этого необходимо дополнительно обратиться к данным о пересечениях границы физическими лицами, которые характеризуют краткосрочную трансграничную мобильность: туристические, деловые, семейные и иные поездки.

Влияние закрытия российско-финляндской границы на международную миграцию проявилось поэтапно: как уже отмечалось, 29 сентября 2022 г. правительство Финляндии приняло решение о существенном ограничении въезда граждан России по туристическим основаниям, а уже с 30 ноября 2023 г. были закрыты все сухопутные пункты пропуска на восточной границе. Таким образом, если в 2022 г. речь шла только об ограничении туристических потоков, то к концу 2023 г. произошло полное прекращение сухопутного трансграничного движения между двумя странами (табл. 3).

¹ Vital statistics and population by area, 1990–2025, *Statistics Finland*, URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pixel/en/StatFin/StatFin__muutl/11ae.px (дата обращения: 01.04.2026).

Таблица 3

**Пересечение финляндско-российской границы физическими лицами
в 2021 – 2024 гг., чел.**

Год	Въезд в Финляндию	Выезд в Россию	Итого пересечений
2021	478 205	486 980	965 185
2022	970 265	922 940	1 893 205
2023	734 807	763 243	1 498 050
2024	848	961	1809

Составлено на основе данных Финской таможни¹.

Данные таблицы 3 показывают, насколько резкие изменения произошли в сфере трансграничной мобильности после 2022 г. В 2021 г. было зафиксировано 965,2 тыс. пересечений российско-финляндской границы, а в 2022 г. их число выросло до 1,9 млн. В 2023 г. показатель оставался высоким и составил около 1,5 млн пересечений, однако после фактического закрытия сухопутных пунктов пропуска на восточной границе ситуация резко изменилась. В 2024 г. общее число пересечений сократилось до 1,8 тыс., что свидетельствует о практически полном прекращении регулярного пассажирского движения между Россией и Финляндией. Таким образом, закрытие границы сильнее всего отразилось не на общей иммиграции в Финляндию, а на краткосрочных формах российско-финляндской мобильности, ранее обеспечивавших повседневные трансграничные связи.

Одним из экономических последствий закрытия российско-финляндской границы стало сокращение туризма как важной отрасли экономики восточной Финляндии. Одним из наиболее объективных индикаторов состояния данной отрасли является количество ночевков в коллективных средствах размещения (КСР): отелях, пансионатах, кемпингах, базах отдыха и др. Необходимо сказать, что основная часть туристов в Финляндии — как внутренних, так и из-за рубежа — посещают Лапландию и столичный регион Уусимаа. В пяти восточных провинциях страны (Кайнуу, Северная Карелия, Южная Карелия, Южная Саво, Кюменлааксо) в 2019 г. было только 13 % всех ночевков в КСР. Из 3,2 млн ночевков в этих регионах 19 % приходилось на иностранцев. Всего же в стране на иностранцев в 2019 г. приходилось более 30 % всех ночевков в КСР.

К 2024 г. туристический поток в Финляндии остался на уровне 2019 г., но количество ночевков иностранцев снизилось на 10 %. Для регионов восточной Финляндии сокращение ночевков в КСР в целом и ночевков в КСР иностранцев в частности было очень существенным. Совокупное количество ночевков в КСР за 2019—2024 гг. в пяти восточных регионах страны сократилось на 29 %, а ночевков в КСР иностранцев, большая часть из которых являлась гражданами Российской Федерации, — почти в 3 раза.

Другим показателем влияния закрытия российско-финляндской границы на ситуацию в приграничных территориях Финляндии стало сокращение численности персонала, занятого в розничной торговле. Данная тенденция характерна в последние годы для всех регионов страны: за 2019—2024 гг. общая численность занятых в данной отрасли сократилась на 12,6 %. В четырех из пяти провинций восточной Финляндии динамика данного показателя была значительно хуже: сокращение персонала в розничной торговле составило от 17 до 26 %, и только в Северной Карелии темпы падения (–11 %) были близки к средним по стране.

¹ Statistics on logistics, years 2020—2024, *Finnish Customs*, URL: <https://tilastot.tulli.fi/en/tables/statistics-on-logistics/statistics-on-logistics-previous-years> (дата обращения: 11.05.2026).

Анализ динамики социальных и экономических показателей в приграничных регионах Финляндии до и после 2022 г. можно продолжить, но это явно выходит за рамки обозначенной темы исследования и требует отдельного рассмотрения.

Выводы

Несмотря на то что сегодня Финляндия находится на завершающей стадии демографического перехода, численность населения страны в целом и ее крупнейших городов продолжает расти. Незавершенность процессов урбанизации выражается и в увеличении опережающими темпами численности населения столичной Хельсинкской агломерации и других крупнейших городов страны: Турку, Тампере, Оулу, в пользу которых происходит перераспределение населения за счет периферийных, прежде всего восточных, регионов. Результаты внутренней миграции в Финляндии отражают стягивание населения в сторону так называемого «Золотого треугольника», сформировавшегося между городами Хельсинки, Тампере и Турку. Муниципалитеты восточной Финляндии остаются в числе основных «доноров» в обмене населением между провинциями страны. После 2022 г. данная тенденция даже усилилась, что позволяет рассматривать внутреннюю миграцию как один из механизмов роста межрегиональных различий демографической ситуации.

Ухудшение демографической ситуации в последние годы, выразившееся в росте естественной убыли населения, затронуло все регионы страны. Среди территорий с наихудшими значениями данного показателя регионы восточной Финляндии — Кайнуу, Южное Саво, Кюменлааксо, Южная и Северная Карелия — занимают первые места. В этих условиях единственным фактором роста общей численности населения Финляндии и большинства ее регионов стала международная миграция. Уже несколько десятилетий коэффициент чистой международной миграции во всех регионах Финляндии имеет положительное значение, однако роль внешней миграции в них существенно различалась. Так, в восточных регионах страны она в большей степени смягчала последствия внутреннего оттока населения, однако до недавнего времени этого было недостаточно для обеспечения положительного миграционного баланса.

С 2022 г. в результате резкого роста количества иммигрантов все регионы Финляндии имеют положительный общий миграционный прирост, который в почти половине из них (Юго-Западная Финляндия, Пирканмаа, Северное Саво, Центральная Финляндия, Остроботния, Северная Остроботния, Аландские острова) полностью компенсирует естественную убыль населения. В значительной степени это было обеспечено государственной политикой расселения вынужденных переселенцев, прибывших с Украины, общая численность которых за 2022—2024 гг. составила 35 тыс. чел. Необходимо иметь в виду, что в любой стране иммиграция является наиболее регулируемым видом миграционных потоков. И Финляндия здесь не исключение: на этапе получения иностранцами вида на жительство государство может и должно определять места их локализации. Особенно это касается вынужденных мигрантов, чье пребывание в стране обусловлено политическими мотивами и законодательством в гуманитарной сфере.

Необходимо отметить, что закрытие российско-финляндской границы усилило уязвимость приграничных территорий, поскольку до 2022 г. значительная часть их социально-экономической активности была связана с трансграничной мобильностью, торговлей и сферой услуг. После ограничения въезда российских туристов и закрытия пунктов пропуска этот фактор перестал выполнять поддерживающую роль. Таким образом, за последние годы география международной миграции в

Финляндию заметно изменилась. После 2022 г. Российская Федерация утратила свою роль одного из важных источников иммиграции, тогда как роль украинского направления заметно усилилась.

Конечно, само по себе закрытие российско-финляндской границы в 2022—2023 гг. и резкий разрыв экономических связей между странами не изменило и не могло изменить ход демографических процессов в Финляндии. Но вызванное этим ухудшение экономической ситуации в стране и в ее восточных регионах повлекло изменение демографической обстановки. Увеличение естественной убыли населения, сопровождающееся усилением центростремительного характера внутренних миграционных перемещений, повысило демографическую уязвимость приграничных территорий. Данная ситуация не может быть решена посредством увеличения объемов внешней миграции. Резкий рост количества иммигрантов, прибывают ли они с Украины, или из стран Азии, не решит демографических проблем Финляндии, а лишь спровоцирует рост социальной напряженности.

Кратковременность периода новых геополитических условий с 2022 г. не позволяет в полной мере оценить демографические, экономические и социальные последствия произошедших изменений для регионов Финляндии и прежде всего ее приграничных территорий. Но то, что эти последствия есть и что они имеют долгосрочный характер, не вызывает сомнений. В этой связи дальнейшее изучение влияния закрытия российско-финляндской границы на ситуацию в регионах Финляндии имеет высокую актуальность.

Список литературы

Агафшин, М. М., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. 2024, Миграционная политика и расселение мигрантов в Финляндии в период миграционного кризиса, *Россия и современный мир*, № 3, с. 87—102, EDN: ARUFWB, <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.06>

Александров, А. А. 2011, Приграничное сотрудничество России и Финляндии в контексте интеграционных процессов на современном этапе, *Вестник Бурятского государственного университета*, № 6, с. 179—183, EDN: NVVRVV

Дробот, Е. В., Ильина, Д. Д. 2017, Перспективы развития внешнеэкономических связей Российской Федерации и Финляндии, *Российское предпринимательство*, т. 18, № 9, с. 1447—1460, EDN: YPIZVV, <https://doi.org/10.18334/rp.18.9.37804>

Килин, Ю. М. 2019, Некоторые демографические тренды современной Финляндии, *Studia Humanitatis Borealis*, № 1 (12), с. 47—57, EDN: HBWYVF, <http://dx.doi.org/10.15393/j12.art.2019.3381>

Кузнецова, Т. Ю. 2018, Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского Союза, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 41—57, EDN: YAACAP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3>

Мартынов, В. Л., Сазонова, И. Е. 2014, Основные тенденции и проблемы развития Аландских островов, *Балтийский регион*, № 1 (19), с. 122—136, EDN: RWWSKP, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-8>

Морошкина, М. В. 2022, Социально-экономическая дифференциация приграничных регионов на примере России и Финляндии: факторный анализ, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, т. 30, № 4, с. 562—576, EDN: ATQLDB, <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-562-576>

Рязанцев, С. В., Гаджимурадова, Г. И. 2021, Русскоязычная иммиграция в Финляндию: новые формы, тенденции, последствия, *Балтийский регион*, т. 13, № 2, с. 146—164, EDN: UPQBGL, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8>

Степанова, С. В., Шлапеко, Е. А. 2018, Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье, *Балтийский регион*, т. 10, № 4, с. 103—117, EDN: YPWQZF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>

Ступин, Ю. А. 2024, Геодемографическая обстановка в Финляндии в XXI веке, *Географический вестник*, № 4(71), с. 25—40, EDN: QNVWHN, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2024-4-25-40>

Тарасова, А. С. 2023, Современные тенденции парадипломатии на примере российско-финляндского регионального сотрудничества, *Балтийский регион*, т. 15, № 3. с. 83—99, EDN: LMHQIU, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-5>

Федоров, Г. М., Михайлов, А. С., Кузнецова, Т. Ю. 2017, Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 9, № 2. с. 7—27, EDN: YTZXAN, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-1>

Шлапеко, Е. А., Степанова, С. В. 2018, Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия — Северная Карелия, Финляндия), *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, т. 9, № 3, с. 39—48, EDN: PPDFAL, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>

Шлямин, В. А., Гладких, Е. Г. 2022, Приграничное экономическое сотрудничество России и Финляндии: преодоление новых вызовов, *Современная Европа*, № 1, с. 139—153, EDN: ZFZZIW, <https://doi.org/10.31857/S0201708322010119>

Albrecht, M., Halonen, M., Syssner, J. 2022, Depopulation and shrinkage in a northern context: geographical perspectives, spatial processes, and policies, *Fennia*, vol. 200, № 2, p. 91—97.

Davydova-Minguet, O., Pöllänen, P. 2021, Precarious Transnationality in Family Relations on the Finnish-Russian Border during the Soviet and Post-Soviet Periods, *Genealogy*, vol. 5, № 4, art. 92, EDN: TULQDN, <https://doi.org/10.3390/genealogy5040092>

Davydova-Minguet, O., Pöllänen, P. 2022, The unbearable lightness of everyday border: Meanings of closeness of the border for Russian-speaking immigrants in the Finnish border area, *Barents Studies*, vol. 7, № 1, p. 59—79.

Hanell, T., Mattila, M., Ahvenainen, T., Raunio, M. 2023, Joko lähdet, vastahan tulit? Ulkomaalaistaustaisten henkilöiden muuttoliike Suomessa vuosina 2010—2021, *Migration-Muuttoliike*, vol. 49, № 2, p. 34—41.

Hiilamo, H. 2020, Why fertility has been declining in Finland after the Global Recession? A theoretical approach, *Nordic Yearbook of Population Research*, vol. 54, p. 29—51, EDN: GUQSRP, <https://doi.org/10.23979/fypr.85090>

Kettunen, P., Rauhut, D., Juntunen, V. 2020, Why some municipalities succeed and others do not?, *Migration-Muuttoliike*, vol. 46, № 2, p. 13—16.

Laine, J. P. 2026, Border anxiety and resilience: Finland's strategic shift in a new geopolitical era, *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, vol. 34, № 1, p. 197—211, <https://doi.org/10.1080/25739638.2025.2599342>

Raunio, M. 2022, Osaamisperusteinen maahanmuutto ja alueellinen eriarvoisuus, *Migration-Muuttoliike*, vol. 48, № 1, p. 20—29.

Rotkirch, A. 2021, *Syntyvyyden toipuminen ja pitenevä elinikä Linjauksia 2020-luvun väestöpolitiikalle*. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 177 p.

Sireni, M., Pöllänen, P., Davydova-Minguet, O. 2021, Invisible agents of rural development: Russian immigrant women in the Finnish border region, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, art. 601726, EDN: NBFYAP, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>

Stokłosa, K., Laine, J. 2024, Resilience in the Finnish-Russian border region and Russia's war against Ukraine: From the perspective of locally engaged people. *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 51, № 2, p. 149—169, <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10095>

Virkkunen, J. 2020a, Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during the COVID-19 pandemic: The case of Finland, *Baltic Region*, vol. 12, № 4, p. 83—102, EDN: VBUDHG, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-5>

Virkkunen, J. 2020b, *Finnish-Russian Cooperation: Between Geopolitics and Pragmatism*, Budapest, p. 97—110.

Virkkunen, J., Koikkalainen, S., Piipponen, M. 2023, Migration strategies at the time of a crisis: Asylum applicants in Finland, in: Jakobson, M.-L., King, R., Moroşanu, L., Vetik, R. (eds.), *Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times*, Springer, Cham., p. 41—55, https://doi.org/10.1007/978-3-031-23996-0_3

Virkkunen, J., Silvan, K., Piipponen, M. 2024, Weaponizing Migration in Illiberal Autocracies: The 2015—2016 Russian Arctic Route and the Belarus—EU Border Crisis since 2021, in: Heusala, A.-L., Aitamurtoand, K., Eraliev, S. (eds.), *Global Migration and Illiberalism in Russia, Eurasia, and Eastern Europe*, Helsinki: Helsinki University Press, p. 219—246, <https://doi.org/10.33134/HUP-26-7>

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Мария Алексеевна Виноградова, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0009-0007-6963-4342>

E-mail: st117668@student.spbu.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

DEMOGRAPHIC TRENDS ACROSS THE REGIONS OF FINLAND, 2019–2024

D. V. Zhitin

M. A. Vinogradova

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Received 11 May 2026

Accepted 25 August 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-6

© Zhitin D. V., Vinogradova M. A., 2026

Demographic and socioeconomic developments in Finland are of continuing importance to neighbouring Russia. Finland is in the final stage of the demographic transition, characterised by natural population decline, which is offset to varying degrees by net immigration. Regional differences in rates of natural population change and the direction of internal migration flows contribute to population redistribution within the country. This study aims to identify spatial patterns of demographic change across Finland's regions during 2019–2024, with particular emphasis on the eastern regions, and to examine the factors underlying these changes. This relatively short period witnessed several major events and geopolitical developments that directly affected the country's demographic trends: the COVID-19 pandemic, a sharp increase in immigration from 2022 onwards, and the closure of the Russian–Finnish border (2022–2023). To assess these changes, the study examines trends in key indicators of natural population change and migration at the regional and municipal levels, alongside shifts in the geographical patterns of internal and international migration. Particular attention is paid to five regions in eastern Finland that, until recently, maintained extensive economic, cultural and people-to-people ties with Russia. Despite positive net international migration, whose

geographical patterns have changed substantially in recent years, demographic conditions in the eastern regions examined remain unfavourable, particularly in comparison with those in the urbanised areas of southern and southwestern Finland.

Keywords:

demographic situation, migration, regions, population, natural increase, Russian—Finnish border

References:

- Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. 2024, Migration policy and resettlement of migrants in Finland during the migration crisis, *Russia and the Contemporary World*, № 3, p. 87—102 (in Russ.), EDN: ARUFWB, <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.06>
- Albrecht, M., Halonen, M., Syssner, J. 2022, Depopulation and shrinkage in a northern context: geographical perspectives, spatial processes, and policies, *Fennia*, vol. 200, № 2, p. 91—97.
- Aleksandrov, A. A. 2011, Cross-border cooperation of Russia and Finland in a context of integration processes at the modern age, *Bulletin of Buryat State University*, № 6, p. 179—183 (in Russ.), EDN: NVVRVV
- Davydova-Minguet, O., Pöllänen, P. 2021, Precarious Transnationality in Family Relations on the Finnish-Russian Border during the Soviet and Post-Soviet Periods, *Genealogy*, vol. 5, № 4, art. 92, EDN: TULQDN, <https://doi.org/10.3390/genealogy5040092>
- Davydova-Minguet, O., Pöllänen, P. 2022, The unbearable lightness of everyday border: Meanings of closeness of the border for Russian-speaking immigrants in the Finnish border area, *Barents Studies*, vol. 7, № 1, p. 59—79.
- Drobot, E. V., Ilina, D. D. 2017, Prospects for development of foreign economic relations between the Russian Federation and Finland, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 18, № 9, p. 1447—1460 (in Russ.), EDN: YPIZVV, <https://doi.org/10.18334/rp.18.9.37804>
- Fedorov, G. M., Mikhailov, A. S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Patterns of the Baltic Region Countries, *Baltic Region*, vol. 9, № 2, p. 4—18 (in Russ.), EDN: ZCQOTN, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-1>
- Hanell, T., Mattila, M., Ahvenainen, T., Raunio, M. 2023, Joko lähdet, vastahan tulit? Ulkomaa-laistaustaisten henkilöiden muuttoliike Suomessa vuosina 2010—2021, *Migration-Muuttoliike*, vol. 49, № 2, p. 34—41.
- Hiilamo, H. 2020, Why fertility has been declining in Finland after the Global Recession? A theoretical approach, *Nordic Yearbook of Population Research*, vol. 54, p. 29—51, EDN: GUQSRP, <https://doi.org/10.23979/fypr.85090>
- Kettunen, P., Rauhut, D., Juntunen, V. 2020, Why some municipalities succeed and others do not?, *Migration-Muuttoliike*, vol. 46, № 2, p. 13—16.
- Kilin, Yu. M. 2019, Some demographic trends of modern Finland, *Studia Humanitatis Borealis*, № 1 (12), p. 47—57 (in Russ.), EDN: HBWYVF, <http://dx.doi.org/10.15393/j12.art.2019.3381>
- Kuznetsova, T. Yu. 2018, Population change in the neighbouring regions of Russia and the European Union countries, *Baltic Region*, vol. 10, № 3, p. 41—57 (in Russ.), EDN: YMHLOP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3>
- Laine, J. P. 2026, Border anxiety and resilience: Finland's strategic shift in a new geopolitical era, *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, vol. 34, № 1, p. 197—211, <https://doi.org/10.1080/25739638.2025.2599342>
- Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2014, Development of Åland islands: major trends and challenges, *Baltic Region*, № 1 (19), p. 122—136 (in Russ.), EDN: RWWSKP, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-8>
- Moroshkina, M. V. 2022, Socio-economic differentiation of border regions by the example of Russia and Finland: Factor analysis, *RUDN Journal of Economics*, vol. 30, № 4, p. 562—576 (in Russ.), EDN: ATQLDB, <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-562-576>
- Raunio, M. 2022, Osaamisperusteinen maahanmuutto ja alueellinen eriarvoisuus, *Migration-Muuttoliike*, vol. 48, № 1, p. 20—29.

Rotkirch, A. 2021, *Syntyvyyden toipuminen ja pitenevä elinikä Linjauksia 2020-luvun väestöpolitiikalle*. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 177 p.

Ryazantsev, S. V., Gadzhimuradova, G. I. 2021, Russophone immigration to Finland: new forms, trends, and consequences, *Baltic Region*, vol. 13, № 2, p. 146—164 (in Russ.), EDN: CHSPDP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8>

Shlapeko, E. A., Stepanova, S. V. 2018, Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia — North Karelia, Finland), *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, vol. 9, № 3, p. 39—48 (in Russ.), EDN: PPDFAL, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>

Shlyamin, V. A., Gladkikh, E. G. 2022, Cross-Border Economic Cooperation of Russia and Finland: Problems and Prospects, *Contemporary Europe*, № 1, p. 139—153 (in Russ.), EDN: ZFZZIW, <https://doi.org/10.31857/S0201708322010119>

Sireni, M., Pöllänen, P., Davydova-Minguet, O. 2021, Invisible agents of rural development: Russian immigrant women in the Finnish border region, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, art. 601726, EDN: NBFYAP, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>

Stepanova, S. V., Shlapeko, E. A. 2018, Trends in the Development of Cross-Border Trade in the Russian-Finnish Border Area, *Baltic Region*, vol. 10, № 4, p. 103—117 (in Russ.), EDN: YVKKAX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>

Stokłosa, K., Laine, J. 2024, Resilience in the Finnish-Russian border region and Russia's war against Ukraine: From the perspective of locally engaged people. *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 51, № 2, p. 149—169, <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10095>

Stupin, Yu. A. 2024, Geodemographic Situation in Finland in the 21st Century. *Geographical Bulletin*, № 4 (71), p. 25—40 (in Russ.), EDN: QNVWHH, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2024-4-25-40>

Tarasova, A. S. 2023, Modern trends in paradiplomacy: a case of Russian-Finnish regional cooperation, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 83—99 (in Russ.), EDN: XOULOO, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-5>

Virkkunen, J. 2020a, Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during the COVID-19 pandemic: The case of Finland, *Baltic Region*, vol. 12, № 4, p. 83—102, EDN: VBDUHG, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-5>

Virkkunen, J. 2020b, *Finnish-Russian Cooperation: Between Geopolitics and Pragmatism*, Budapest, p. 97—110.

Virkkunen, J., Koikkalainen, S., Piipponen, M. 2023, Migration strategies at the time of a crisis: Asylum applicants in Finland, in: Jakobson, M.-L., King, R., Moroşanu, L., Vetik, R. (eds.), *Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times*, Springer, Cham., p. 41—55, https://doi.org/10.1007/978-3-031-23996-0_3

Virkkunen, J., Silvan, K., Piipponen, M. 2024, Weaponizing Migration in Illiberal Autocracies: The 2015—2016 Russian Arctic Route and the Belarus—EU Border Crisis since 2021, in: Heusala, A.-L., Aitamurtoand, K., Eraliev, S. (eds.), *Global Migration and Illiberalism in Russia, Eurasia, and Eastern Europe*, Helsinki: Helsinki University Press, p. 219—246, <https://doi.org/10.33134/HUP-26-7>

The authors

Dr **Dmitrii V. Zhitin**, St. Petersburg State University, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Maria A. Vinogradova, Student, St. Petersburg State University, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-6963-4342>

E-mail: st117668@student.spbu.ru

